

ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ

Крапивенский А.С., Коломок О.И., Зенина Н.В.

Волгоградский филиал АЧОУ ВПО «Московский финансово-юридический университет МФЮА», Волгоград, Россия (400031, Волгоград, ул. Бахтурова, 25-Г), e-mail: krapivensky@list.ru

Рассматриваемая авторами проблема обеспечения региональной культурной безопасности в субъектах Российской Федерации может быть в немалой степени решена при помощи социального института территориального общественного самоуправления (ТОС). Методологически культурная безопасность на региональном уровне осуществляется путем формирования и развития культуры, традиционной для каждого конкретного региона, муниципального образования и т.д. Исследование имело своей целью выявление наиболее эффективных форм и методов развития традиционной культуры организациями ТОС. В работе использовались следующие методы: количественное социологическое исследование, качественный анализ научной литературы и нормативно-правовых документов, функциональный анализ, системный и диалектический подходы, компаративный анализ, социальное моделирование. Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать выводы о качественном составе коллективных и индивидуальных социальных акторов, во взаимодействии с которыми организации ТОС могут наиболее успешно решать рассматриваемую проблему обеспечения региональной культурной безопасности.

Ключевые слова: традиционная культура, безопасность, территориальное общественное самоуправление, эффективность управления.

TERRITORIAL SELF-GOVERNMENT ORGANIZATIONS AS A SOCIAL INSTITUTION OF REGIONAL CULTURAL SECURITY MANAGEMENT

Krapivensky A.S., Kolomok O.I., Zenina N.V.

Volgograd branch of accredited private educational institution of higher professional education "Moscow University of Finance and Law", Volgograd, Russia (400031, Volgograd, street Bahturova, 25-G), e-mail: krapivensky@list.ru

The problem of regional cultural security in the Russian Federation, considered by the authors, can be to a large extent solved by the social institute of territorial self-government. Methodologically, the cultural security on the regional level is carried out by the formation and development of culture, traditional for each concrete region, municipality, etc. The aim of the given study was in identification of the most effective forms and methods of development of traditional culture by territorial self-government organizations. The following scientific methods were used by the authors: quantitative sociological research, qualitative analysis of scientific literature and regulatory documents, functional analysis, systematic and dialectical approaches, comparative analysis, social modeling. The results of the study allow to draw conclusions about the qualitative composition of collective and individual social actors, in conjunction with which the territorial self-government organizations can solve the problem of ensuring regional cultural security most effectively.

Keywords: traditional culture, security, territorial self-government, management efficiency.

Культурная безопасность общества в XXI веке занимает одну из ключевых позиций в парадигме информационной безопасности, составной частью которой она является. Не случайно в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации особо отмечаются такие виды угроз, как девальвация духовных ценностей, пропаганда образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, на духовных и нравственных ценностях, противоречащих ценностям, принятым в российском обществе; снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения России. Решение проблемы обеспечения культурной безопасности на региональном уровне не в последней степени может и должен

решать такой социальный институт, как организации территориального общественного самоуправления (ТОС). Следует отметить, что для РФ проблема обеспечения региональной культурной безопасности (в плане сохранения и развития традиционных культур, доминантных на той или иной территории) в настоящее время приобрела особую актуальность в силу мощных миграционных процессов и информационной войны, ведущейся извне с целью разрушения традиционной культуры и духовных ценностей: «культура как целостное явление обеспечивает передачу духовных ценностей от одного поколения к другому..., выполняет функцию воспроизводства национального самосознания и культурной самоидентификации поколений, задает жизненные ценности и способствует общественному согласию... На самом деле большинство современных бед человечества и угроз его существованию проистекает из утраты основополагающих принципов духовной культуры» [7, с. 3].

Цель исследования: проанализировать на примере Волгоградской области влияние организаций ТОС на обеспечение региональной культурной безопасности (в плане развития традиционной культуры казачества в муниципальных образованиях, где она является доминантной); определить формы и методы повышения эффективности деятельности организаций ТОС в рассматриваемой сфере.

Материал и методы исследования

В качестве эмпирического материала для проведения работы послужили материалы научного исследования «Организации территориального общественного самоуправления как инструмент развития традиционной культуры казачества на территории Волгоградской области» (поддержанный РГНФ научный проект № 14-13-34007), действующие нормативно-правовые акты и научные источники, касающиеся исследуемой проблематики.

В работе использовались следующие прикладные методы исследования: - количественное социологическое исследование; - структурно-функциональный анализ; - сопоставительный (компаративный) анализ; - социальное моделирование; - качественный анализ действующих нормативно-правовых актов и научной литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Под культурной безопасностью в рамках данной работы будем понимать «состояние защищенности совокупности интересов личности, общества и государства в трансформационных процессах, перманентно происходящих в сфере культуры» [4], а под региональной культурой – доминантную для определенной территории, «характеризующуюся устойчивой межпоколенной совокупностью людей, обладающих стабильными особенностями культурных черт и осознанием своего отличия от всех других подобных образований. Это системное, полисферное и многоуровневое образование,

имеющее тесные генетические связи с национальной культурой, несущее в себе как ее общие черты и закономерности развития (открытость и динамически развивающуюся целостность), так и собственные уникальные особенности. Как система высокой сложности, она находится в непрерывном процессе становления, ей присущи нелинейность, неустойчивость, незамкнутость, динамическая иерархичность и наблюдаемость» [2, с. 15].

Следовательно, в рамках данной работы под обеспечением региональной культурной безопасности мы будем понимать сохранение и развитие традиционной культуры, доминантной для той или иной территории, «подконтрольной» организации ТОС.

Очевидно, что организациям ТОС в наибольшей степени подходит роль социального института, способного непосредственно влиять на ход обеспечения региональной культурной безопасности, так как, во-первых, «социологическое понимание институтов территориального общественного самоуправления базируется на диалектике глобального и локального: современный человек ощущает как влияние детерриториализации и включенности в общемировые процессы, так и возрастающую роль социальных взаимодействий «общинного», локального характера» [3, с. 9], и, во-вторых, главное, потенциально, по отношению к прочим социальным институтам, выполняющим аналогичные функции, организации ТОС способны выполнять социокультурные функции эффективнее, так как у них, в отличие практически от всех прочих, присутствует такой институциональный признак, как доверительность неформальных соседских отношений» [5, с. 100].

При этом самостоятельно (без взаимодействия с кем-либо) решать проблему обеспечения региональной культурной безопасности организации ТОС, разумеется, не могут – для этого им надо взаимодействовать с прочими социальными акторами – участниками процесса развития традиционной культуры. Эти социальные акторы могут быть как коллективными, так и индивидуальными, использующими ”различные институциональные потенциалы общего культурного поля”» [10, с. 87].

Рассмотрим, какие именно социальные акторы являются приоритетными социальными партнерами организаций ТОС, основываясь на результатах социологического исследования «Организации территориального общественного самоуправления как инструмент развития традиционной культуры казачества на территории Волгоградской области».

Полевой этап исследования проводился в период с 16.06.2014 по 27.07.2014 путем анкетирования совершеннолетних жителей, проживающих в границах 25 организаций ТОС, расположенных на территории 5 муниципальных образований Волгоградской области, имеющих богатые казачьи традиции (Алексеевского, Калачевского, Кумылженского,

Серафимовичского и Урюпинского муниципальных районов). Всего было проанкетировано 1250 респондентов (по 50 на территории каждой из 25 выбранных организаций ТОС), что удовлетворяет требованиям валидности полученных результатов исследования, предъявляемых стандартом ISO серии 9000.

По каждой из 25 выбранных для исследования организаций ТОС проводилось квотирование респондентов по половому и возрастному признакам пропорционально демографическим данным, представленным в паспортах соответствующих организаций ТОС на Волгоградский областной конкурс «Лучшее территориальное общественное самоуправление года» в 2013–2014 году. Общие параметры выборки (N=1250) с учетом квотирования, во-первых, являются репрезентативными по гендерному и возрастному признакам относительно генеральной совокупности жителей, проживающих в границах 25 рассматриваемых организаций ТОС, а, во-вторых, также достаточно четко воспроизводят общую гендерную и возрастную демографическую картину совершеннолетнего населения сельских районов Волгоградской области (в процентном отношении было опрошено 45,04 % мужчин и 54,96 % женщин; респондентов в возрасте 18–30 лет – 21,52 %, 31–40 лет – 16,32 %, 41–54 года – 24,56 %, 55–59 лет – 8,32 %, 60 и более лет – 29,28 %).

Третьим параметром квотирования был «ценз оседлости» жителей, проживающих на территории той или иной организации ТОС, выбранной для исследования, так как к числу интересующих нас институциональных признаков организаций территориального общественного самоуправления можно отнести «доверительность непосредственных отношений, самоидентификацию граждан как “соседей”» [3, с. 10]. Поэтому в квотных заданиях и инструкциях для лиц, проводивших анкетирование, было включено требование опрашивать только тех жителей (вне зависимости от их возраста), которые проживают на территории, входящей в зону ответственности каждого конкретного исследуемого ТОС, не менее 3 лет.

В ходе проведения исследования респондентам было предложено указать социальных партнеров, сотрудничая с которыми организации ТОС, на территории которых они проживают, реализуют свою функцию по формированию и развитию традиционной казачьей культуры, отметив любое количество из 7 предложенных, представить свой вариант ответа, либо поставить статус «затрудняюсь ответить». Анкетирование принесло следующие значимые результаты, за исключением затруднившихся с ответом (35,12 % от всех опрошенных) и представивших свой вариант ответа (0,96 % от всех опрошенных) – следующие: «Органы местного самоуправления» – 41,76 % от всех опрошенных, «Образовательные организации» – 26,16 %, «Казачьи общества» – 21,52 %, «Общественные организации» – 19,12 %, «Правительство области» – 7,04 %, «Церковь» – 6,24 %,

«Коммерческие организации» – 5,92 %; представлены на рисунке 1.

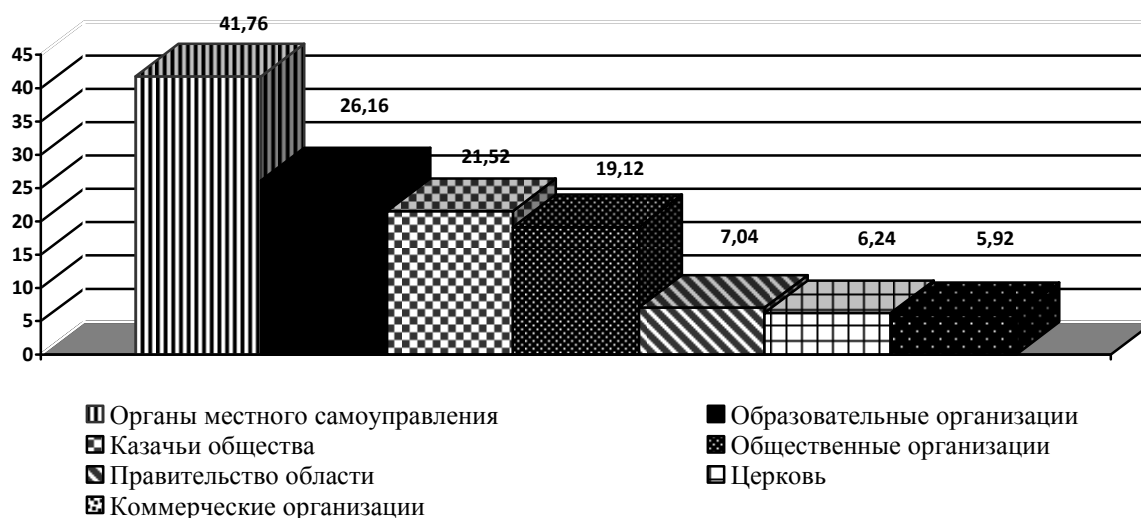

Рис. 1. Социальные акторы, сотрудничаая с которыми организации ТОС реализуют функцию по формированию и развитию традиционной культуры казачества (мнение респондентов, в % от всех опрошенных)

Данные, представленные на диаграмме (Рис. 1), показывают, что ни один из коллективных социальных акторов, являющихся потенциальным партнером организаций ТОС в деятельности по развитию традиционной культуры казачества, отмеченных респондентами, по степени осведомленности респондентов о его реальном наличии не дотягивает до отметки 50 % от общего числа опрошенных (максимальное значение у органов местного самоуправления – 41,76 %, остальные социальные акторы – менее 30 %). Однако, для того, чтобы работа организации ТОС по развитию традиционной культуры была высокоэффективной, как представляется, требуется не менее 3 реальных социальных партнеров. Причем признать их реальными можно лишь в том случае, если об их совместной с организациями ТОС деятельности осведомлены не менее 50 % жителей.

Указанные выше социальные акторы являются коллективными, и именно они, в отличие от индивидуальных социальных акторов, согласно теории социального действия (в трактовке А. Турена) в состоянии качественно контролировать те или иные социальные процессы (в нашем случае – процесс обеспечения региональной культурной безопасности).

Следует отметить, что полученные результаты неоднородны с точки зрения возрастного состава респондентов в группах, указавших в ответе какого-либо конкретного социального актора (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Осведомленность респондентов о социальных акторах, сотрудничаая с которыми организации

ТОС реализуют функцию по формированию и развитию традиционной культуры казачества
в зависимости от возраста респондентов

Возраст респондентов	Осведомленность респондентов о социальных акторах, сотрудничающих с которыми организации ТОС реализуют функцию по формированию и развитию традиционной культуры казачества, % от всех ответивших в группе респондентов соответствующего возраста						
	Органы местного самоуправления	Образовательные организации	Казачьи общества	Общественные организации	Правительство области	Церковь	Коммерческие организации
18-30	40,52	28,62	22,67	19,70	5,95	6,69	4,46
31-40	38,73	29,90	14,70	13,23	7,35	7,84	6,86
41-54	44,95	27,03	13,68	21,49	6,51	4,89	6,19
55-59	46,15	20,19	37,50	36,54	3,85	3,85	13,46
60	40,44	23,22	21,86	19,12	8,47	7,38	5,46
Итого	41,76	26,16	21,52	19,12	7,04	6,24	5,92

Как видим, результаты голосов респондентов, указывающих на то, что им известно о сотрудничестве организаций ТОС с тем или иным коллективным социальным актором в деятельности по развитию традиционной культуры казачества в достаточной степени неоднородны в различных возрастных группах. Так, например, о сотрудничестве с казачьими обществами в возрастных группах 31–40 лет и 41–54 года знают лишь 14,70 % и 13,68 % от всех ответивших, т.е., соответственно, -6,82 % и -7,84 % от сводного показателя известности данного социального актора в качестве партнера. Обращают на себя внимание высокие (относительно сводных показателей) результаты осведомленности респондентов в возрастной группе 55–59 лет о сотрудничестве с такими социальными акторами, как казачьи общества (+15,98 %), общественные организации (+17,42 %) и коммерческие организации (+7,54 %), но данная возрастная группа является самой немногочисленной по составу - 8,32 % от генеральной совокупности жителей опрошенных ТОС, поэтому работать с ней специально не представляется перспективным.

Особо следует отметить необходимость целенаправленной работы с совершеннолетней молодежью (возрастная группа от 18 до 30 лет) по вовлечению именно ее в возможно более плотное взаимодействие с различными рассматриваемыми нами коллективными социальными акторами. Дело в том, что «общества, стремящиеся к новым стартовым возможностям, независимо от господствующей в них социальной или политической философии, опираются главным образом на сотрудничество с молодежью... Пожилое и среднее поколение может только предсказать характер грядущих изменений,

творческое воображение этих поколений можно использовать для формирования новой политики, однако новой жизнью будет жить только молодое поколение» [6, с. 443-444]. Применительно к приведенной выше Таблице 1 это будет означать, что возрастная группа совершеннолетней молодежи (18–30 лет), постепенно «старея», будет смещаться вниз, последовательно проходя прочие возрастные стадии. Соответственно, целенаправленно работая с данной социальной группой (наиболее перспективной в плане долгосрочности действия заложенных векторов культурной ориентации), организации ТОС будут закладывать фундамент обеспечения региональной культурной безопасности на долгие годы.

Причем процесс работы с подрастающим поколением в плане приобщения его к традиционным культурным ценностям должен начинаться задолго до обретения им совершеннолетия. В ходе исследования респондентам было предложено ответить на вопрос (в случае наличия у них несовершеннолетних детей или внуков, проживающих на территории той же организации ТОС, что и сами респонденты): принимают ли эти дети или внуки участие в каких-либо мероприятиях ТОС по развитию традиционной культуры казачества. Рассмотрим полученные ответы на этот вопрос в зависимости от того, относит ли себя отвечающий респондент к казачеству или нет (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Участие несовершеннолетних детей или внуков респондентов (при наличии), проживающих на той же территории в мероприятиях ТОС, способствующих развитию традиционной культуры казачества, в зависимости от их принадлежности к казачеству

Отношение респондентов, имеющих таких детей или внуков, самих себя к казачеству	Принимают ли эти дети или внуки участие в каких-либо мероприятиях ТОС по развитию традиционной культуры казачества, % от всех ответов в группе на вопрос о принадлежности к казачеству	
	Да	Нет
Да	86,03	13,97
Нет	42,55	57,45
Итого	70,48	29,52

Данные, представленные в Таблице 2, позволяют сделать следующий вывод о перспективности работы с жителями, не относящими себя к казачеству, в плане приобщения их несовершеннолетних детей или внуков, проживающих вместе с ними на территории одной и той же организации ТОС, к основам традиционной культуры казачества. На данный момент 42,55 % таких жителей заявили о том, что их несовершеннолетние дети или внуки принимают участие в мероприятиях ТОС по развитию традиционной культуры казачества, и этот показатель, судя по всему, не является максимально возможным. Косвенно об этом свидетельствует и тот факт, что в ходе исследования 59,84 % всех респондентов заявили, что поддерживает инициативу по приобщению к традиционной культуре казачества

представителей прочих этносоциальных групп, а среди тех, кто относит себя к казачеству доля «оптимистов» еще больше – 79,02 %.

Кроме того, респондентам было предложено также ответить на вопрос (в случае наличия у них несовершеннолетних детей или внуков, проживающих на территории той же организации ТОС, что и сами респонденты): обсуждают ли они с ними их участие в каких-либо мероприятиях ТОС по развитию традиционной культуры казачества или возможность такого участия. Результаты ответов на данный вопрос в достаточной степени соответствуют результатам ответов респондентов на вопрос о непосредственном участии несовершеннолетних детей или внуков в рассматриваемых мероприятиях (65,93 % ответили положительно, 34,07 % – отрицательно). При этом распределение ответов в группах по признаку принадлежности к казачеству также в значительной степени совпадает с данными, представленными в Таблице 2, что дополнительно придает свойство валидности результатам и выводам, указанным выше.

В целом же приобщение молодежи (как совершеннолетней, так и нет) к основам традиционной культуры, доминантной для той или иной территории, силами организаций ТОС, представляет собой процесс воспроизводства культуры как разновидность образования, приобретаемого индивидуумами вне рамок профессиональной образовательной среды. В этом образовательном процессе «пространство, в котором личность обнаруживает себя как целое, в котором происходит ее рост, есть пространство Культуры. Рост личности есть именно культурный процесс и понят он может быть только как процесс приобщения к Культуре, вхождения в нее» [1, с. 192].

Возвращаясь к результатам опроса респондентов об их осведомленности о качественном составе коллективных социальных акторов, сотрудничая с которыми организации ТОС, на территории которых они проживают, реализуют функцию по формированию и развитию традиционной культуры казачества, отметим, что помимо уже выявленной нами специфики ответов, относящейся к возрасту респондентов, полученные ответы неоднородны также и с точки зрения социального положения / социальных статусов респондентов в группах, указавших в ответе какого-либо конкретного социального актора. В частности, результаты ответов в социальной группе безработных отличаются от сводных результатов опроса по каждому из социальных акторов следующим образом (со знаками “+” или “-”): «органы местного самоуправления» -1,34 %; «образовательные организации» +3,01 %; «казачьи общества» +3,06 %; «общественные организации» -0,27 %; «Правительство области» -1,21 %; «церковь» +0,01 %; «коммерческие организации» -1,75 %. Как видим, наиболее проблемным местом в данном случае является осведомленность безработных о социальном партнерстве организаций ТОС, на территории которых они проживают, с

коммерческими организациями в деятельности по формированию и развитию традиционной культуры казачества. Обладая такого рода информацией о степени информированности каждой социальной группы (сформированной по признаку наличия у ее членов определенного социального положения / социального статуса) о наличии социальных партнеров, в сотрудничестве с которыми организации ТОС реализуют функцию формирования и развития традиционной культуры на территории региона, можно управлять процессом обеспечения региональной культурной безопасности. Достигается это методом регулярного мониторинга ситуации путем проведения социологических исследований как самостоятельно на территории отдельной организации ТОС, так и на региональном уровне. Данная задача не является надуманной, так как «защита культурного достояния в современных условиях требует ... владения методами системного анализа сложных социокультурных процессов, которые позволяют понимать основные тенденции в изменениях общественного сознания, ценностных ориентаций различных социальных групп, изменения их места, роли и характера влияния на другие социальные группы, механизмы образования пассионарных и маргинальных групп и особенностей их воздействия на культурный процесс» [9, с. 131].

Поясним, что согласно концепции Р. Мертона, социальные институты обладают как явными функциями (преднамеренными со стороны субъекта управления и осознающимися объектом управления), так и латентными (в отличие от явных, они носят скрытый характер, являются непреднамеренными со стороны субъекта управления и, как правило, не осознаются объектом управления, но, тем не менее, латентные функции социальных институтов также имеют последствия для жизни социума) [8]. Функция организаций ТОС Волгоградской области по развитию традиционной культуры казачества в местах ее доминирования носит явный характер (осуществляется преднамеренно и хорошо осознается населением).

Следовательно, осведомленность жителей о качественном составе коллективных социальных акторов, являющимися партнерами организаций ТОС в деятельности по развитию традиционной культуры, как было указано выше, является индикатором реальности социального партнерства (при условии, что о нем знают не менее 50 % жителей). Поясним, что понятие «реальность социального партнерства» в рассматриваемом нами контексте (реализации организациями ТОС функции развития традиционной культуры в местах ее доминирования) означает не только сам факт взаимодействия, но и степень информированности об этом населения, проживающего в границах ТОС. Без афишируемости отношений в данном случае невозможно эффективно выстроить систему управления региональной культурной безопасностью: повышение степени информированности жителей

о партнерских отношениях организаций ТОС в рассматриваемой сфере деятельности с авторитетными коллективными социальными акторами практически напрямую влияет на долю населения, положительно воспринимающего процесс развития традиционной культуры на территории своего проживания.

Следовательно, чтобы высокоэффективно выполнять функцию по развитию традиционной культуры в местах ее доминирования, организации ТОС должны не только устанавливать партнерские отношения с различными «системными» коллективными социальными акторами, но и дополнительно осуществлять PR-активность в плане регулярного информирования о своем социальном партнерстве население. Очевидно, что конкретные проявления социального партнерства (совместная организация мероприятий, участие в конкурсах, проводимых партнером и т.д.) представляют собой прекрасные информационные поводы, с которыми можно выходить к целевой аудитории. Однако, как показали результаты проведенного исследования, в настоящее время организации ТОС Волгоградской области используют данные информационные поводы в своей PR-деятельности крайне редко, вследствие чего основная масса населения остается в неведении о самих фактах социального партнерства при осуществлении деятельности по развитию традиционной культуры.

Например, о социальном партнерстве организаций ТОС с Правительством Волгоградской области в сфере развития традиционной культуры казачества знают лишь 7,04 % опрошенных, несмотря на то, что организации ТОС регулярно участвуют в Волгоградском областном конкурсе «Лучшее территориальное общественное самоуправление года», ежегодно, начиная с 2010 года, проводимом Правительством региона. При этом п. 6 Перечня показателей конкурса, характеризующих работу организации ТОС в номинации «Национально-культурные традиции и духовно-нравственное воспитание», в качестве критерия оценки оперирует результатами использования ТОС богатого наследия отечественной и мировой казачьей православной культуры в духовно-нравственном воспитании молодежи, приобщения ее к казачьим традициям и обычаям, формирования национального самосознания, духовно-нравственных принципов священного служения Отечеству, т.е. напрямую связан с исследуемой нами проблематикой. В Волгоградском областном конкурсе «Лучшее территориальное общественное самоуправление года» ежегодно участвуют более 90 % региональных организаций ТОС, победители и призеры в различных номинациях получают солидные денежные вознаграждения (до 125 тысяч рублей в номинации). То есть о социальном партнерстве организаций ТОС с Правительством Волгоградской области в деятельности по развитию традиционной культуры казачества, существующем на практике около 5 лет, знают лишь 7,04 % жителей. Разумеется, данный

факт нельзя признать удовлетворительным, и хотя ответственность за столь низкий показатель лежит в первую очередь на социальном институте, непосредственно (на местах) реализующем функцию по развитию традиционной культуры, участвующий в процессе коллективный социальный актор (в данном случае – Правительство Волгоградской области) также должен использовать инструменты популяризации социального партнерства (стимулируя данное направление PR-деятельности ТОС, используя собственные медийные каналы и т.д.).

Выводы

1. Процесс обеспечения региональной культурной безопасности важен с точки зрения обеспечения общей информационной безопасности государства. Об этом говорится в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, это же показали результаты исследования: респонденты оценили значимость процесса развития традиционной культуры казачества для региона на 6,41 балла по шкале от 0 до 10, где 0 – «совсем не значимо», 10 – «максимально значимо». Причем группа респондентов, не относящая себя к казачеству, также осознает значимость данного процесса для Волгоградской области (оценивает на 4,23 балла).

2. Организациям ТОС принадлежит одна из ключевых ролей в обеспечении региональной культурной безопасности, притом, что данное направление деятельности является очень значимым для данного социального института. В рамках проведенного исследования деятельность организаций ТОС по духовно-нравственному воспитанию и поддержке национально-культурных традиций (по сравнению с прочей активностью) респонденты оценили на 6,21 балла по шкале от 0 до 10, где 0 – «совсем не значимо», 10 – «максимально значимо».

3. Согласно общей теории социальных систем, каждая такая система будет находиться в состоянии максимальной защищенности лишь в том случае, если находится в состоянии устойчивого динамического равновесия. Следовательно, для решения проблемы обеспечения региональной культурной безопасности, организации ТОС, системно реализующие функцию развития традиционных культур в местах их доминирования, должны иметь сбалансированный состав системных коллективных социальных акторов (партнеров), в который должны входить исполнительные органы власти региона, органы местного самоуправления, образовательные организации, этнические и национальные организации, прочие общественные организации, церковь, коммерческие организации и т.д. При этом качественный состав коллективных социальных акторов, в партнерстве с которыми организации ТОС реализуют функцию по развитию традиционной культуры, определяется организациями ТОС самостоятельно, в зависимости от региональной специфики, но

признать их деятельность высокоэффективной можно будет лишь в том случае, если в системе социального партнерства в рассматриваемой нами сфере деятельности будет не менее 3 коллективных социальных акторов, об участии которых в процессе знают не менее 50 % жителей, проживающих на территории ТОС. При этом в функцию организаций ТОС входит не только налаживание партнерских связей, но и эффективное ведение PR-деятельности по представлению своих социальных партнеров целевой аудитории.

4. Еще одной разновидностью социальных акторов, с которыми работают организации ТОС, участвующие в процессе придания социальной системе состояния устойчивого динамического равновесия, являются объекты управления: различные социальные группы жителей, проживающих в границах ТОС: вычлняемые по возрастному и гендерному признакам, социальному положению / социальному статусу. Здесь в первую очередь активность организаций ТОС, ведущих работу по развитию традиционной культуры, должна быть направлена на молодежь, как социальной группой, наиболее перспективной в плане долгосрочности действия заложенных векторов культурной ориентации.

5. Важной составной частью обеспечения региональной культурной безопасностью в плане реализации организациями ТОС функции по развитию традиционной культуры, доминантной для той или иной территории, является вовлечение в данный процесс новых участников (жителей), не относящих себя к этносоциальным, национальным, клерикальным и прочим группам, исповедующим данную культуру. Данный процесс должен иметь своей целью, как минимум, ознакомление таких жителей с основами развиваемой традиционной культуры, способствуя их непротивлению данному процессу, а как максимум – приращение социальной группы носителей традиционной культуры, проживающей на территории ее доминирования.

6. Выводы и рекомендации, сделанные на основе проведения исследования «Организации территориального общественного самоуправления как инструмент развития традиционной культуры казачества на территории Волгоградской области», обладают таким важным качеством фундаментальности, как концептуальная универсальность, то есть могут быть применимы на практике в прочих субъектах Российской Федерации при развитии различных традиционных культур, доминантных для той или иной территории.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-13-34007.

Список литературы

1. Вересов Н., Мельников А. Образование и культура: нереальные цели и реальные ценности // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М.: РИК:

Академический Проект, 2005. С. 183-195.

2. Казакова Г.М. Региональная культура: родо-видовые признаки и структурно-функциональные характеристики // Вопросы культурологии. 2009. № 5. С. 12-15.
3. Керсанов О.В. Развитие территориального общественного самоуправления в условиях становления гражданского общества в России: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Волгоград, 2013. 25 с.
4. Крапивенский А.С. Вербальный аспект культурной безопасности молодежи в социальных сетях и блогосфере Рунета // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. URL: www.science-education.ru/102-5935 (дата обращения: 13.09.2014).
5. Крапивенский А.С., Коломок О.И. Социокультурные функции организаций территориального общественного самоуправления // Альманах современной науки и образования. 2013. № 8. С. 99-100.
6. Манхейм К. Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. 700 с.
7. Маршак А.Л., Сергеев В.В. Культурная безопасность населения московского мегаполиса. М.: Серебряные нити, 2008. 96 с.
8. Мертон Р.К. Явные и латентные функции: пер. с англ. // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 379-448.
9. Сараф М.Я. Вопросы защиты безопасности национального культурного пространства (задачи и функции спецслужб в обеспечении безопасности национального культурного пространства) // Ценности и смыслы. 2010. № 5. С. 127-135.
10. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии: пер. с франц. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

Рецензенты:

Кузеванова А.Л., д.соц.н., доцент, профессор кафедры философии и социологии Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград;

Колесникова Г.И., д.филол.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин НОУ ВПО «Таганрогский институт управления и экономики», г. Таганрог.